

ПЕДАГОГИКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

С. З. Гончаров

АКСИОЛОГИЯ ДУХА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (Памяти философа Ивана Александровича Ильина – 1883–1954)

УДК 37.013.73+130.3
ББК 74.6

В статье раскрыты особенности душевной и духовной стадий психики, значение духовности на уровне общества и отдельного человека, основные задачи в воспитании духовности личности.

Ключевые слова: душа, дух, совершенство, ценности, воспитание.

S. Z. Goncharov

AXIOLOGY OF THE SPIRIT IN PEDAGOGICAL DIMENSION (To the 60th anniversary of the death of the philosopher Ivan Aleksandrovich Ilin – 1883–1954)

This article reveals the features of mental and spiritual stages of the psyche, the significance of spirituality at the level of society and of the individual, the main tasks in the education of the person's spirituality.

Keywords: soul, spirit, excellence, values education.

Если субъектность, вне духовного уровня, осуществляется нередко не в добре, а во зле, то духовность вне субъектных качеств *истлевает* во внутреннем мире или же может впадать в *романтический мистицизм*. Необходим *синтез* духовности и субъектности в подготовке новых по-

колений специалистов вообще, выпускников профессионально-педагогических вузов в особенности.

В публикациях о духовности нет самого главного — *монизма*, истолкования духовности из *единого основания* [6]. Авторы, как правило, приводят высказывания классиков философии и

сопровождают их своими комментариями. Неудовлетворительность состоит в потере теории, концептуальности.

То, что духовности присущи *всеобщие* значения, а не замыкание горизонта сознания на значениях частных и единичных («здесь» и «теперь»), это Гегель убедительно раскрыл в своей работе «Феноменология духа».

Как же возникают всеобщие значения? Принцип деятельности, взятый сам по себе, на эти вопросы не отвечает. Г. С. Батищев, вдохновенно изложивший принцип деятельности в философии [1], в последние годы своего творчества подверг этот принцип критике, настаивая на «глубинном общении» [2].

Трудность в синтезе деятельности и общения заключается в том, что формы общения (включая общественные отношения) постигаются только мышлением и требуют для их понимания высокого уровня абстракции, умения схватывать невидимое через внешние формы обнаружения. При этом сам субъект должен быть сознательно причастным общественным отношениям. *Общие, т. е. общественные отношения, принуждают мышление к всеобщим схемам работы. Всеобщность значений сознания есть выражение общественности человека. Диапазон общения и общественных отношений определяет и степень универсальности мышления, всеобщности сознания.*

Но и деятельно-коммуникативный подход в понимании человека тоже является неполным именно потому, что существует неразрывная связка «*деятельность — общение — мышление*».

Упрощенный материализм не понимает направляющей и регулятивной роли мышления (идеального) в функционировании социальных систем, и поэтому он всегда плетется в «хвосте» событий, предоставляя лидерство в философии и в общественных процессах своим оппонентам, умудренным опытом классиков как немецкой, так и русской философии. Уместно напомнить, что «общественные отношения между людьми возможны лишь в той мере, в какой люди мыслят и обладают этой способностью абстрагироваться от чувственных деталей и случайностей» [7. С. 249] и что «*мое всеобщее сознание есть лишь теоретическая форма того, живой формой чего является реальная коллективность, общественная сущность*» [8. С. 118].

Духовная стадия человеческой субъективности постигается яснее путем ее сравнения с душевной стадией.

Особенности душевной стадии психики

Они заключаются в том, что человек живет по преимуществу *внешним, чувственным* опытом, непосредственно переживает его и сливается с ним. Явления этого опыта изменчивы и единичны («это», «здесь» и «теперь»). Поэтому сознание тоже *неустойчиво* и затрудняется фиксировать значения в их *всеобщей* форме, сосредоточиваться на них, свободно оперировать и направлять ими свой внешний и внутренний опыт. Оно находится в плену внешнего сенсорного поля и эмоциональных переживаний, *индивидуальных предпочтений*; оно не выходит за рамки конечного к вечному, за пределы относительного (что хорошо для данного лица или данной

группы людей) к абсолютному (что хорошо само по себе, безусловно). Душе еще не присуще «для-себя-бытие», т. е. *ценностно-рационально-волевая самость* как тот автономный центр апперцепции (*Я*), из которого исходят законодательные функции разума и повеления разумной воли на основе всеобщих значений. Чувства и эмоции размывают автономию разума и воли, чем объясняется шаткость и *несамостоятельность души*.

Человек на душевной стадии избирает ценности, как правило, не потому, что они *объективно хороши по своему качеству*, а потому, что они хороши относительно него или его окружения. Субъективное чувство — здесь критерий (на вкус и цвет товарищей нет). Душе присущи ценности *частные и относительные*, *ценностный релятивизм и субъективизм*.

Относительные ценности молодые люди часто возводят в абсолютные и творят кумиров, которые быстро развенчиваются жизнью потому, что *качество таких ценностей не соответствует их статусу абсолютных*. В юных душах возникают разочарование и уныние, нигилизм и цинизм, разнуздывается инстинкт вне идеала. Так молодые люди вступают на путаную тропу, ведущую к душевному нездоровью, социальному риску, девиантному поведению и преступному деянию. Глубинной причиной душевных болезней несоматического характера является в юном возрасте размытость ценностного самосознания, эрозия апперцепции и ее центра (*Я*) Обучение *технике жизни* (методам и технологиям) не выводит само по себе из мира относительных ценностей.

Душевная стадия связана не только с молодостью, но и с тем, что индивид еще не выступает субъектом весьма обширных по диапазону *общественных отношений*. А не является он таким субъектом из-за своего *социального статуса*: индивид находится на попечении у старших, он, во-первых, по преимуществу, *потребляет*, а не *производит*, во-вторых, он еще не включен как самостоятельная личность в большое *общее дело* и поэтому не владеет *объективной мерой* оценки себя и других лиц. Такой мерой как раз и является общее дело, взвешивающее социальный вклад, «социальный вес» каждого. Вот этот аспект социального статуса индивида Гегель в «Феноменологии духа» начисто игнорирует и описывает только движение сознания, не вскрывая причин его движения от «чувственной достоверности» к «основанию» явлений, т. е. к их сущности.

Почему же конкретно осуществляется переход от чувственного сознания к самосознанию? Потому, что чувственная достоверность разоблачает свою *несамостоятельность и несостоятельность*. Во-первых, в ней «все течет», все изменяется. Было утро, оно сменилось днем, а день — вечером и ночью. Ребенок радуется подаренной ему вишне, но тут же съедает ее и уничтожает. Сегодня у него — дружба с кем-то, а завтра — ссора. Ему многое непонятно в поступках взрослых.

Во-вторых, оказывается, не все то хорошо, что хорошо лично для него. Внешняя сторона явлений бывает обманчивой.

В-третьих, во всяком *общем деле*, будь то семейные дела, игра или заня-

тия, надо исходить из общих же значений, а не из единичного и отдельного, иначе само общение прекратится.

Сознание теперь разочаровывается в самостоятельности и подлинности внешнего состава событий. Оно интуитивно чувствует: то, что ранее казалось самодостаточным, оказывается лишь *явлением* чего-то иного, *скрытого*, на самом деле «прочного», устойчивого, чего-то *основательного*. Но беда в том, что скрытая основа внешних явлений чувственному сознанию никак не раскрывается. Для ее понимания нужна иная «оптика».

И сознание отворачивается от внешних «кумиров», обращается внутрь себя. В самом себе оно надеется *найти ту основу*, из которой и надо исходить в деятельности и общении. Теперь оно ищет истину в себе, а не вовне. Это, как правило, стадия возрастного «переходного периода» (12—18 лет). Однако в этот период индивид мало знает и может. Он самоопределяется в *отвлеченных* значениях, чем объяснима *романтика* юности. Самоопределение сопровождается желанием утвердить себя во *мнении* других, а не в *делах* общеинтересных и полезных. Важно *самоутверждение*, а не то дело, в котором осуществляется самоутверждение. Поэтому столь часто молодые люди утверждают себя в пустяках и курьезах.

Витогеличность начинает понимать, что есть нечто важное, *сверхличное*, что служит единым мерилom не только данной личности, но и других лиц, и самих внешних событий. Проблемки такого осознания побуждают личность не носиться со своей индивидуальной *неповторимостью*, но укорениться своими помыслами и чувствами в инту-

итивно постигаемое *сверхличное* Дело, в некий «Логос» (Не мне, но Логосу внимай, отмечал Гераклит).

Наступает стадия перехода личности от *индивидуального самосознания к духовному уровню*. Разум человека на этом уровне уже не застревает в материале только внешнего или только внутреннего видов опыта, но обретает самостоятельность и в самом себе находит критерии достойного и недостойного. Оказывается, разум в самой истории был всегда, хотя и не всегда в разумной форме. Внешний и внутренний опыт в равной мере пронизан разумными возможностями. Теперь во внешнем опыте и во внутреннем разум находит самого себя, утверждает самого себя, и во всем ином не теряет самого себя, но *все иное прорабатывает и делает своим достоянием*.

Особенности духовной стадии психики

Душа преобразуется в дух тогда, когда человек начинает жить по существу не только внешним, чувственным опытом, но и внутренним, сверхчувственным, смысловым; погружаясь в сферу чистых значений (*идеальных предметов*), он освобождается от диктата внешних чувств и эмоций, обретает самосознание, которое устремлено на само себя и становится рефлексивной и самодеятельной; вначале робко, а затем смелее человек начинает оперировать значениями в их безобразном виде; усиливаются апперцепция, автономия разума и воли. Опирируя чистыми значениями, душа выходит за рамки «здесь» и «теперь», за пределы пространственно-временного потока событий, ибо значения сами по себе не являются пространс-

твенными или временными; длятся не значения (например, идея окружности или долга), а психические процессы, посредством которых мыслятся и переживаются значения. Выходя за пределы «здесь» и «теперь», личность научается самостоятельно оперировать всеобщими значениями и обретает надындивидуальные ценности — нравственные и эстетические, религиозные и правовые. Переживая такие значения и ценности, человек модифицирует свою чувственность: возникают новая психическая модальность — мыслящие духовные чувства, которые возникают не от физического воздействия, а от переживания значений (радость, уважение, презрение и т. п.). Сосредоточием таких чувств является «сердце», как духовный орган.

На духовной стадии человек избирает те или иные ценности потому, что они хороши не только относительно него, но и сами по себе являются истинными, добрыми и прекрасными и поэтому — совершенными, достойными всеобщего признания. Дух есть любовь к совершенному, объективно лучшему содержанию; воля к тому, чтобы избрать совершенное, преобразить себя согласно ему, объединяться с другими людьми на основе совершенного и жить им. Совершенное есть такое содержание, которое гармонично соединяет в себе истинное, доброе и прекрасное. «Быть духом — значит определять себя любовью к объективно лучшему. Воля к Совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности» [4. С. 56]. В работах классиков русской философии (В. С. Соловьева, И. А. Ильина, Н. О. Лосского и др.) совершенное понимается как атрибут

Бога, явленный в Его творениях как меры в превосходной степени.

Как однородный солнечный луч преломляется в многообразии цветов, так и чувство совершенства выражается в спектре положительных качеств — любви и добра, совести и достоинства, верности и служения, мастерства и художества, справедливости и солидарности, окрыленной веры как иммунной системы души от деструктивной социальности.

Совершенное есть качественное содержание духа, а дух есть та форма, в которой совершенное существует адекватно, как знающее себя, как «для-себя-бытие». Меры вещей существуют в сфере духа идеально, без материи, они свободны от телесных деформаций и представлены в превосходном роде. *Дух есть сознающее себя совершенство, он в самом себе содержит критерии достойного, которые для него самоочевидны.*

Совершенное познается себе подобным, совершенным же чувством — любовью. Любовь есть непосредственное переживание совершенного; она направляет мышление к объективной истине, волю к добру, созерцание к красоте, а веру к абсолютному, священному и божественному.

В психологическом плане дух есть целостный акт — единство главных продуктивно-творческих сил: *любящего сердца; мышления, постигающего объективную истину; воли, творящей добро; воображения и созерцания, ориентированных на красоту; веры, устремленной к совершенным и абсолютным ценностям; совести, оценивающей помыслы и деяния с позиций должного совер-*

шенства. Единение этих сил рождает целостный акт, качественно новое состояние — дух, эффект «поющего сердца». Целый дух начинает прозревать за «корой явлений» тот свет совершенства, который по-своему выражают небесная лазурь и лепестки цветка, грациозное движение животного и трели птицы, духовное парение художника в музыке и поэзии, гармония математических соотношений и логика научных понятий, благородный поступок и справедливое право.

В качественном, аксиологическом плане дух есть любовь к совершенному, объективно лучшему содержанию. Но дух имеет и количественную характеристику, которая выражается в масштабности, надличностном и всеобщем содержании его значений: дух восходит от субъективной стадии (стремление к совершенному) к объективной, в рамках которой человек реально живет всеобщим

содержанием науки и нравственности, искусства и религии, права и государства.

Сознание прорывает узкий горизонт единичных и частных содержаний и углубляется в их основу: за «моим» и «твоим» оно видит «наше», за многими «я» — «мы», за национально-культурным многообразием — единство человеческого духа, за относительным — абсолютное. Душа предстает как индивидуализированный дух народа, как его лик, и человек становится личностью. Автономия личности в самоопределении и волевом самоуправлении на основе совершенных содержаний есть фундамент совести и правосознания, продуктивного творчества и душевного здоровья.

Архитектонику духа можно представить в обобщенной схеме, в которой соединены как православное понимание, так и научное (рис.).

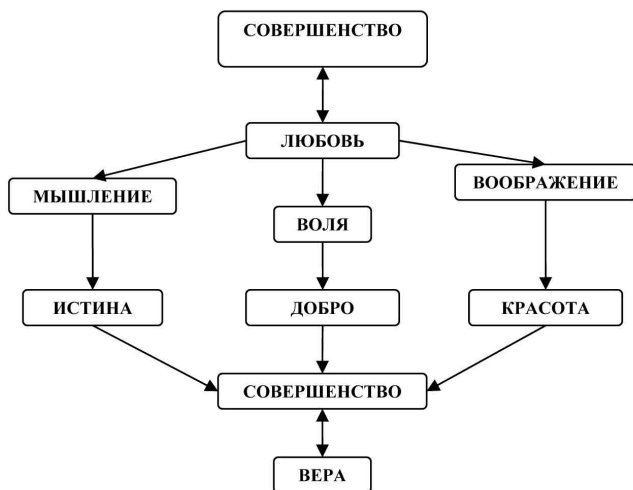

Рис. Архитектоника духа

Любовь постигает совершенство эмоционально-целостно, вера же — духовно-целостно. Односторонность scientизма (абсолютизации науки) состоит в отвлечении от аксиологического синтеза «сердца», что характерно для современной технической цивилизации.

Совершенство — источник духа, религии, культуры и воспитания

Совершенное содержание жаждут по-своему ученые и художники, философы и праведники, миллиарды духовно зрячих людей. Обрести совершенное — этому посвящены самые важные евангельские Заветы: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» и «любите друг друга». Совершенное вдохновляло Платона и Плотина, Пушкина и Тютчева, И. А. Ильина и Н. О. Лосского. Свет совершенства струится из творений классиков культуры и благородных поступков; он благодатно питал русскую классическую музыку и живопись, литературу и поэзию, философию и православие.

Религия культивирует дух совершенства, исходя из его абсолютного Первоисточника. В культуре дух совершенства воплощается в зримые образцы — эталоны человеческой субъективности. Культура начинается там, где «духовное содержание ищет себе верную и совершенную форму» [5. С. 291]. Воспитание развивает умения организовывать опыт объективно лучшим содержанием. И. А. Ильин в своем фундаментальном исследовании, над которым он работал сорок лет, убедительно обосновывает основополагающее значение *совершенства* для различных религий. Тот, кто ищет религиозного опыта, «всту-

пает в ту сферу, где обитает и обретается само Совершенство. <...> *Религиозный опыт есть опыт Совершенства, приобретаемый на путях сердечного созерцания*» [4. С. 56]. Любовь к совершенству, подчеркивал он, не есть аффектированная фраза или сентиментальная выдумка, «но живая реальность и притом величайшая движущая сила человеческого духа и человеческой истории. Поколение людей, которому это чувство чуждо и непонятно, — есть поколение мертвое, слепое и обреченное. Все основатели великих духовных религий — Конфуций, Лао-Цзы, Будда, Зороастр, Моисей были движимы этим чувством» [4. С. 97].

Христианство выговорило эту тайну религиозного опыта и укоренило души людей не в силу и мощь (Ветхий Завет), не во внешнюю красоту (религия древних греков), не в магический государственный обряд (Древний Рим) и не в успех земных дел (протестантизм), а в объективно сущее Совершенство, которое обретается любовью. Религиозный опыт при всем его многообразии заключается в воле к совершенному, в *благоговении* перед ним и в *верности* ему. Любовь к совершенству Божию, отмечал И. А. Ильин, есть «лоно творческого вдохновения, опора истинной науки, чистой совести, характера, месторождение окрыленного гениального искусства, фундамент правосознания и патриотизма, гарантия дисциплины и храбрости» [4. С. 66].

Укореняя свою душу в идеал объективно лучший и объективно сущий, человек соединяет инстинкт с идеалом, гасит гордыню, обретает духовное самостояние, самоопределение и

самоуправление на основе абсолютных ценностей, духовное достоинство, чувство качества и верного ранга, призвание и смысл жизни. Религия, с культурологической точки зрения, не «опиум народа», а иммунная система народного духа от деструктивной социальности. Воинствующее богоборчество гасит волю к совершенству, а значит — духовность, чувство качества и верного ранга ценностей и с неизбежностью резко понижает уровень ценностных притязаний людей; начинается подмена высшего низшим, т. е. *пошлость*: внутреннее вытесняется внешним, духовное — материальным, идеалотворчество в культуре — технической рациональностью, искусство — нервными зрелищами, а художник — «шоуменом». Разнуздывается инстинкт вне идеала, и культура вырождается в технику жизни, в техническую цивилизацию, которая за последние двести лет завела человечество в тупик. Последствия духовного иммунодефицита проявляются в том, что «население целенаправленно организуется на сатанинских началах лжи, подлога обмана, поклонения грубой силе. Внедряются как начала «нормальной» жизни жадность, эгоизм, амбиции, разврат, наркомания, любовь к удовольствиям и развлечениям любой ценой. <...> Сегодня это не отдельные эпизоды злых, порочных, разрушительных действий, а ускоренное строительство общемировой системы зла» [10].

Богоборчество И. А. Ильин квалифицировал как «дело самое глупейшее из всех, затеявших его человечеством». Цветение русской культуры, отмечал он, изошло из корней православия потому, что оно

окормляет души светом совершенства Божия и даром любящего сердца; т. е. объективно лучшим содержанием и субъективно верным актом приятия этого содержания. Русская культура цвела тогда, когда народ искал «не силы, а совершенства, не власти, а любви, не пользы, а Бога». А когда «дух ищет совершенства», тогда «начинается культурное цветение религиозно захваченного народа» [4. С. 59].

Совершенная реальность предстает в субъективной форме как дух и объективируется в мир культуры. Культура — только *положительная* ценность. Отождествлять культуру со всей надприродной реальностью (рукотворной второй природой, социальностью, социальными технологиями, с формами хранения и передачи социального опыта и т. п.) — значит, умножать термины без надобности и запутывать существо дела. Такое отождествление ничего не дает ни для теории культуры, ни для воспитания, а по существу оно ведет к толкованию культуры как *ценностно нейтральной реальности*, открытой антикультуре. Духовность как субстанция культуры верно выражена в толковании культуры как «идеалотворчества» [9. С. 241]. Культура — это мир эталонов, образцов человеческой субъективности.

Дух как идеальный ген социальности

В понимании человека следует избавиться от того недоверия к духу, которое привнес материализм в российское сознание. Дух в социальной системе есть идеальное, всеобщее и самое концентрированное выражение

и продолжение человеческой социальности: он есть ее саморефлексия и самоопределение, ее самопроектирование и самоустремленность, ее самоусиление и «для-себя-бытие». Под идеальным здесь понимается то содержание, которое прекрасно развил Э. В. Ильенков [3].

В лоне духа рождается все благое содержание. Дух есть идеальный «ген» нации, в котором в свернутой форме закодирована социальность и программа поведения народа. Эту генную функцию духа раскрыл И. А. Солоневич относительно русского и немецкого народов, которые в XX веке ставили себе те же цели и пытались их достичь с тем же упорством, с каким они это делали 800 лет назад, несмотря на качественное изменение производительных сил и производственных отношений [11. С. 115—201].

Духовное единение людей предполагает наличие общих ценностей. Как в экономическом обмене необходимы единые выразители стоимости товаров (деньги), так и в общении и общественных отношениях необходимы единые выразители человеческой субъективности (ценности), с которыми люди себя идентифицируют как члены той или иной общности. Такие корневые ценности *согласуют души людей в самом главном*. Без согласия в душах не будет согласия во внешних делах. *На основе корневых ценностей происходит первичный социальный акт — взаимное признание, понимание и доверие; из этого акта следуют духовное единение и солидарность, верность и служение*. В. И. Ленин, встав у руля государства, вынужден был признать: государство сильно «сознательностью

масс», и правопорядок зиждется на добровольной лояльности граждан.

Добровольно принятые общие ценности есть основа *гражданского мира, социального согласия, устойчивости государства и хозяйства*. Корневые ценности направляют через социальные институты весь *нормативный социальный контроль и планирование общей жизни, очерчивая границы дозволенного*. Такие ценности, образно выражаясь, так же направляют чувства, волю и мышление, как звезды на небе направляют путь мореплавателя.

Без единых ценностей меркнет правосознание, крошится государство, высыхают глубинные родники совместного творчества и *национального единения*. Всерьез и надолго люди объединяются не внешними скрепами (экономикой, правопорядком, территорией), но духовными узами. «Самое глубокое единение людей возникает из их духовной однородности, из сходного душевно-духовного уклада, из сходной любви к единому и общему, из единой судьбы, связующей людей в жизни и смерти, из одинакового созерцания, из единого языка, из однородной веры и из совместной молитвы. Именно таково национальное единение людей» [5. С. 323].

Отмеченные И. А. Ильиным существенные моменты, составляют *духовный генотип* нации. Этот генотип включает в свое содержание корневые (основные) ценности, особенности их субъективного приятия народом (как веруют и любят, как переживают и грешат и т. д.) и то существенное из исторического опыта, которое народ пережил, понял и запечатлел в пси-

хологии и самосознании. Духовный генотип центрирует национальное самосознание и в оформленном виде выступает как религиозно-культурный архетип.

Разложение духовного генотипа так же обезображивает жизнь народа, как деструкция генной информации уродует живую клетку и организм. Вот почему столь актуален вопрос о синтезе традиций и инноваций. Духовный генотип существует не вне нас, где-то в библиотеках и музеях; он — в наших душах, как в огнищах, пламенеющих ценностями. Он — общее пламя, согревающее нас нравственно и эстетически, национально и религиозно.

Если социальные «инновации» внедряются без учета духовного генотипа, то они отторгаются как нечто инородное из-за сшибки противоположных программ поведения — идущих от генотипа и от «инноваций». Возникает деструкция в той или иной сфере общества. Когда же сам генотип, как целое, преобразуется не путем его органического развития, а насильной заменой чуждой ментальностью, тогда возникает всеобщая деструкция в масштабе всего общества — начинается религиозное, культурное, политическое и социальное противостояние, грозящее гражданской войной. Бьет час народной трагедии.

Реформы в России осуществляются успешно и без потрясений при условии восстановления традиционных корневых ценностей, которые не альтернативны новаторству и модернизации. Важнейшей задачей философии, культурологии и др. гуманитарно-социальных наук является как раз развитие и утверждение в общественном со-

знании таких ценностей, которые гармонично соединяют традиции отечественной культуры и процессы модернизации России. Такой синтез есть творческий процесс, требующий живого предметного мышления, способного соединять противоположности на основе их общего основания.

Дух — основа душевного здоровья

Здоровье, как было отмечено нами выше, есть телесное, психическое и социальное благополучие. Такое благополучие основывается на гармонии меры целого с мерами частей. Болезнь вызывается нарушением гармонии, доминированием части над целым. Болезнь — это «эгоизм» части за счет целого. Так злокачественная опухоль убивает организм, навязчивые психические состояния разрушают целостность души, эгоизм подтачивает коллективное «Мы».

Душа как целое представлена сознанию в форме *Я. Я* (апперцепция) есть сверхчувственная сфера психики, самоустраемленное чистое единство; в смене душевных состояний (радости, печали) оно сохраняет свою себестождественность; иначе человек не вышел бы из того или иного душевного состояния. Такие состояния длятся во времени. *Я* воспринимает время со стороны, оно пребывает вне времени как чистый смысловой центр души. Благодаря себестождественности, сверхчувственному и вневременному бытию, *Я* способно связывать в единство прошлое, настоящее и будущее, мыслить вечность, синтезировать качественно различные ощущения и переживания в единство, понимать

устойчивое в изменчивом (законы). Способы, каким *Я* синтезирует восприятия в понятия, есть логические категории. На их основе возникают суждения. Способность судить есть рассудок. *Я* через категории сообщает душе логическое единство.

Душевное нездоровье несоматического характера имеет психические и аксиологические основания. В психологическом плане таким основанием является нарушение чистого единства *Я*, эрозия апперцепции. В душе возникают многие центры-доминанты. Они выходят из-под контроля *Я*; возникает их самофокусировка в нечто самодостаточное. Размывание апперцепции ведет к временной потере рассудка — способности судить логически на основе категорий. Единство *Я* может нарушаться сильными эмоциональными потрясениями (аффектами). Но глубинным основанием душевного нездоровья является причина ценностного характера — утрата личностью самого дорогого, родного и священного. *Качество того, с чем личность себя идентифицирует и во что верит, определяет степень устойчивости Я и душевного здоровья.*

Непосредственной опорой *Я* выступают родные и дорогие люди, их фотографии, образы великих людей, малая и большая Родина, родная культура, историческая память, национальные символы (герб, флаг, гимн) и др.; т. е. то, что воспринимается личностью как дорогое и сокровенное. А где сокровище наше, там и наше «сердце». Когда утрачивается родное и сокровенное, с чем личность себя отождествляла, тогда возникает опасность эрозии ценностного самосозна-

ния и угроза душевного нездоровья. При таком нездоровье психика по-прежнему может нормально обслуживать соматические процессы: но исчезли главные ценности, смысл и цели жизни; поэтому потухла вера, иссякла воля, угасли интересы и внимание к чему-либо, индивид замыкается в себе, обрекает себя на одиночество.

В вопросе *самоидентификации* проявляется вся важность различий между душевной и духовной стадиями психики. На душевной стадии личность идентифицирует себя с ценностями и предметами внешнего опыта. Но то, что вне души, то преходит, его «ест тля и ржа». Материальное богатство, бытовой комфорт и карьеру можно потерять, проходит молодость и т. д. Отсюда мудрое библейское наставление: не сотвори себе кумира из творений без Творца, не возводи относительное в абсолютное.

Следовательно, вопрос о душевном здоровье существенно связан с тем, с чем личность идентифицирует свою «самость» и первосуть. Если она отождествляет свою самость не с внешним, а с внутренним, не с материальным, а с духовным, не с относительным, а с совершенным и абсолютным; если она, пройдя через горнило сомнений, укрепилась в актах духовного делания всем сердцем и помышлением в идеале объективно лучшем и объективно сущем, то она обрела все основания для душевного здоровья. Здесь мы подошли к аксиологии религиозной философии. Если душа человека есть образ и подобие совершенства Божия, то она причастна Его совершенству и обретает свою идентичность в духовном Абсолюте,

совершенном по качеству. В этом заключается психотерапевтическая функция религии.

Душа есть посредник между телом и духом, она — «тонкое тело» духа и так же нуждается в окультуривании (улучшении), как внешнее тело человека и земельный участок в саду. Чтобы окультуривать душу, надо выйти из поля ее тяготения, не растворяться в ее состояниях и укоренить ее в наддушевное, духовное содержание — в родное и сокровенное, в совершенное и абсолютное. Такое содержание есть идеал должного совершенства, достойный духовной сущности человека и гармонизирующий подсознание и сознание.

Подсознание есть сфера инстинктивных влечений, «ночных сил» души. Сознание же — надприродное образование в виде социально важных общих значений. В душе возникают противоречия между психически природным и социальным. Социальные нормы обращены к сознанию и часто репрессивны к подсознанию. Гармонизация возможна благодаря посреднику, который находится одновременно в подсознании и сознании. Таким посредником выступают *воображение и любовь*. Устремленные на совершенный идеал, они возвышают (сублимируют) природно-психическое до социального, натуру до культуры, инстинкт до идеала, расширяя сферу целесообразного действия инстинкта.

Без идеала нет сублимации, а есть «профанация» — понижение ранга ценностей и разнуздание инстинкта. Идеал своим совершенным содержанием одухотворяет инстинкт и вовлекает могучие резервы подсознания в *культурное творчество*. Инстинкт

же сообщает идеалу *жизненную конкретность и действенность*. Как сама природа соединила у человека гениталии и мыслящую голову через позвоночник, так каждый индивид обязан в актах самовоспитания соединить инстинкт с идеалом. В современных условиях банализации всей жизни, включая эротику, гармонизация психики молодых людей является весьма актуальной задачей.

Воля к совершенству захватывает все существо человека, рождает благоговение и живое чувство ответственности перед совершенным, благодатно питая все духовные проявления: «и совестную культуру, и художественное творчество, и глубочайшие корни его правосознания, и его национальное самосознание и его патристическое чувство, и его государственное строительство» [4. С. 58—59].

Созревшая до волевого акта, любовь к совершенному сообщает духу энергию творчества, и дух предстает как *практическая сила*: «как вдохновенный труд и напряженная борьба», «как самостояние и самообладание», «как самостроительство и самоуправление», как «характер». «Человеческий дух по самому существу есть самостоятельный творческий центр: центр любви и созерцания, совестная воля, субъект права, созерцающий художник, верующее сердце, Божий слуга. В этом состоит сама природа духовности, в этом — призвание и достоинство человека» [4. С. 59]. И вот это автономный центр психики, в котором пульсирует дух совершенства, есть абсолютная основа душевного здоровья, которую не размоют ни внешние житейские бури, ни психические аффекты, ни современ-

ные сирены вседозволенности. Такой душе не грозит «многоцентрие», ибо она своей духовной вершиной незримо соединена с абсолютным центром всего сущего и всякой жизни.

Две основные задачи в воспитании духовности

Воспитание духовности есть по существу развитие ценностного сознания. Иерархию ценностей можно представить в виде треугольника, в основании которого находятся ценности единичные и относительные, а на вершине — ценности всеобщие и абсолютные. Чем ближе к вершине, тем меньше произвола в выборе ценностей и тем выше степень их совершенства и всеобщности.

Воспитание ценностного сознания предполагает решение двух основных задач. Первая из них — дать личности «лестницу» для восхождения на «вершину», вознести сознание от ценностей единичных к всеобщим, погрузить его в совершенное содержание и *вызвать эмоциональное переживание совершенства путем использования эмоционально-побудительной наглядности, будь то метафоры, сравнения, емкие художественные образы и символы, деяния великих людей*. Путь к «вершине» *индуктивный и описательный*; на нем понимание закрепляется *духовными чувствами*. Надо перекалить внешнепредметную чувственность до утонченных, предельно легких фракций и растворить их в однородном чувстве совершенства, вознести юную душу в «солнечные пространства» прекрасных значений.

Вторая задача — помочь личности спуститься с «вершины» к «основа-

нию»; но так, чтобы сознание удерживало «вершину» при усвоении частных ценностей. Этот обратный путь *от всеобщего к особенному и единичному является теоретическим и дедуктивным*. В его рамках раскрываются ценностные основы культуры народа, бытия человека, семьи, коллектива, Родины, правосознания и государства, труда и собственности, профессии, индивидуальный опыт обретения ценностей. В решении этих двух задач сознание личности восходит от чувственно многообразного к мысленному единству и к единству многообразного; или иначе: от единичного (Е) к всеобщему (В) и к единству всеобщего и единичного в особенном (О), что можно выразить формулой $E - B - O$.

В сознании возникает *вертикаль* ценностей, позволяющая личности утверждать себя не в пустяках и курьезах, а в делах общественно-значительных. Определяющим, конечно, является то, что находится на «вершине» такой вертикали.

Итак, дух есть рефлексированное, осознающее себя совершенство. Совершенная реальность креативно-антропологична. Творчество производно от совершенства. Вдохновение движет творчеством. Но *вдохновение есть благоговение и восторг от совершенного*. Творчество есть духовное парение человека в эфире объективно лучших, совершенных содержаний. Совершенное содержание есть основа духа и религии, культуры и воспитания; источник всех положительных качеств и ценностей человека; оно сообщает единство ценностному сознанию, является основой аксиологического синтеза (наряду с логическим

синтезом), предохраняет личность от отрицательной социальности (антикультуры), служит иммунитетом души, основой душевного здоровья и духовной безопасности.

Совершенное приемлемо как для образованного светского сознания, так и для сознания, религиозно ориентированного; оно достаточно определено, чтобы сообщить сознанию положительный ценностный

вектор, и достаточно неопределенно, чтобы предохранить сознание от догматизма и формализма и дать личности простор для свободного творческого поиска в мире ценностей. Восстановление в философии методологической роли категории совершенства и проектирование на основе этой категории ценностного содержания образования, включая воспитание, является, на наш взгляд, перспективной стратегией.

Список литературы

1. Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М. : Наука, 1969. — 431 с.
2. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. — СПб. : Изд-во РХГИ, 1997. — 464 с.
3. Ильенков Э. В. Философия и культура. — М. : Политиздат, 1991. — 464 с.
4. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: в 2 т. — М. : Русская книга, 1993. Т.1. — 608 с.
5. Ильин И. А. Основы христианской культуры // И. А. Ильин. Собр. соч.: в 10 т. — М. : Русская книга, 1993. Т.1. — С. 285—330.
6. Лившиц Р. Л. Духовность и бездуховность личности. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. — 152 с.
7. Маркс К. Экономические рукописи 1861—1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.47. — 657 с
8. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.42. С. 41—174.
9. Пивоваров Д. В. Философия религии: Учеб. пособие. — М. : Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. — 640 с.
10. Слово святейшего Патриарха Алексия II на Рождественских чтениях в январе 1999 года // Православная газета. Официальное издание Екатеринбургской Епархии Русской Православной Церкви. — 1999. — № 3.
11. Солоневич И. Народная монархия. — М. : Феникс, 1991. — 512 с.